

УИЛЬЯМ МОРГАН

Философия спорта

Исторический и концептуальный обзор и оценка ее будущего¹

Философия спорта, как и история и социология спорта, – относительно недавнее изобретение, появившееся на интеллектуальной сцене Северной Америки, месте ее рождения, лишь в середине-конце 1960-х годов. Это, конечно, было бурное время для североамериканских колледжей и университетов, время экономической экспансии и роста, политических волнений и бунтов, интеллектуальных экспериментов и развития. Одним из важных следствий политического и интеллектуального оживления кампусов было то, что старые академические дисциплины оказались под непрерывным огнем нарастающего потока студентов, родившихся в эпоху бэби-бума, с подозрением относившихся ко всему старому и почтенному, а по сути – ко всему, чему было больше 35 лет, и стремившихся к изменению и обновлению академического опыта. Поэтому нет ничего удивительного в том, что новые академические области, наподобие философии спорта, появились именно в этот период.²

Но решающую роль в академическом дебюте философии спорта сыграли два события. Первым было появление исследований спорта из старой и сложившейся области физического воспитания. Если традиционное физическое воспитание основывалось исключительно на медицинских и педагогических исследованиях физической активности и спорта, то новая, зарождавшаяся область спортивных исследований преследовала более амбициозные интеллектуальные цели, дополняя традиционные медицинские и педагогические исследования философскими, историческими и социологическими. Это отнесение науки и педагогики как основных направлений работы сделало возможным изучение культурных и исторических контекстов спорта. В этом отношении публикация «Движения и значения» (1968) Элеанор Метени и «Человек, спорт и существование» (1967) Говарда Слэшера застолбили место философии спорта в этой новой многообещающей области исследований.

¹ William J. Morgan. *The Philosophy of Sport: A Historical and Conceptual Overview and a Conjecture Regarding Its Future* // Jay Coakley and Eric Dunning (eds.) *Handbook of Sports Studies*. London: Sage, 2003. P. 205–212.

² Но, как будет показано ниже, для появления философии спорта как академического предмета потребовалось преодолеть ряд серьезных препятствий.

Вторым событием было запоздалое рассмотрение спорта собственно философией. Философия слишком долго пренебрегала спортом. Хотя в философии существовала сложившаяся традиция рассмотрения форм жизни, имеющих большое значение для общества и людей (философия религии, искусства, науки и образования), спорт, несмотря на свое влияние на такие разные культуры, как культура Древней Греции и современной Америки, так и не удостоился сколько-нибудь серьезного философского внимания. Конечно, были и исключения. Например, Платон и Аристотель одобрительно и иногда даже восторженно писали об игре и спорте, а современные философы — такие, как Ницше и Хайдеггер, — использовали игру как метафору для определения своих особых мировоззрений. Сартр и Витгенштейн обращались к понятиям спорта и игры при разработке своих влиятельных концепций человеческого существования и языка. Но в целом большинство философов просто игнорировало спорт, считая его слишком несущественным для того, чтобы тратить на него свое время.

Однако пренебрежительное отношение к спорту и, как следствие, ко всему, что имеет отношение к телу, было обусловлено не только прошлым философией, ее тесной связью с религией и ее сосредоточенностью на вечных вопросах. Оно было также обусловлено настоящим философией, в частности, недавними изменениями в ее основных парадигмах, которые препятствовали развитию новых философских субдисциплин, вроде философии спорта. Я говорю в данном случае о возникновении и установлении господства аналитической философии в англоязычном мире, которая пришла на смену прагматистской концепции философии, уделявшей особое внимание точности и строгости, а также рассмотрению специальных вопросов, требовавших таких точности и строгости.³ Идея, что философия должна строиться по образцу науки, а не искусства, была как раз тем, что объединяло различные течения аналитической философии, развивавшиеся в Англии и Америке. В своем первом, позитивистском варианте аналитические философы основное внимание уделяли логическому анализу понятий и суждений, позволявшему разложить на части сложные структуры самой реальности. В своем логическом анализе эти позитивистские философы не только придерживались стандартов научной строгости, но и считали философию, в сущности, совместимой с наукой, то есть отвечающей на вопросы, которые возникали напрямую из практики науки. В своем втором, постпозитивистском варианте аналитические философы утратили интерес к науке (или, как сказали бы некоторые, отказались от ее фетишизации), сосредоточив свое внимание на понятиях, используемых в обыденной речи, понятиях, которые, как считалось, могли способствовать разрешению давних философских споров. Но даже в этом втором варианте аналитические философы продолжили считать философию узкоспециальной дисциплиной, требующей к себе строгого отношения.

Проблемой этого триумфа аналитической философии в англоязычном интеллектуальном мире, особенно в том, что касалось складывавшихся дисциплин, вроде философии спорта, было узкое понимание философии и ее

³ Об истории американской философии см.: Rorty (1982). Cambridge Dictionary of Philosophy (1995).

изоляция от практики. Это проявлялось во многих отношениях. Прежде всего, поскольку аналитические философы занимались развитием автономной дисциплинарной матрицы для философии, они отдалялись не только от академической среды, но и от более широкого общества: они беседовали друг с другом на специальном жаргоне, почти непонятном для неспециалистов.⁴ Кроме того, в своем стремлении очистить философское исследование, сделать его достаточно строгим, они успешно маргинализировали альтернативные формы философской работы, наподобие западноевропейской философии, которая сохраняла тесную связь с общезначимыми социальными проблемами и исходила из того, что интерпретация важнее верификации. Наконец, аналитические философы обладали значительным численным перевесом и влиянием, что позволяло создать новые учебные планы, в которых главное место занимало изучение логики, а история философии и иностранные языки отодвигались на второй план (в основе этого лежало амбициозное и довольно шовинистическое представление о том, что философскими работами, заслуживавшими прочтения, были только работы англоязычных философов по обе стороны Атлантики).⁵

Но, несмотря на значительные трудности, положение начало меняться и философы, в конечном итоге, стали относиться к спорту и играм более серьезно. Учитывая неторопливый и — увы! — запоздалый характер этих перемен, не удивительно, что тон задавали философские журналы, симпатизирующие европейской философии (*Philosophy Today* и *Man and World*), и Пол Вейс, крупный философ, связанный с прагматистским движением и написавший важную книгу «Спорт: философское исследование». Книга Вейса встретила шумный отклик в философском сообществе. То, что такой философ с международной репутацией, как Вейс, счел спорт темой, заслуживающей его времени и таланта, не осталось незамеченным его коллегами, даже теми, которые принадлежали к лагерю аналитической философии.

Но только в начале 1970-х годов философии спорта более или менее прочно удалось встать на ноги. Решающее значение имел 1972 год, поскольку именно в этом году специалисты в области исследований спорта и философии собрались вместе для того, чтобы создать «Философское общество по изучению спорта», международную научную организацию, призванную занимать-

⁴ О схожей профессионализации социологии, последствия которой, по иронии судьбы, проявились в возникновении академических субдисциплин, вроде социологии спорта, см.: Gruneau (1983). Я еще вернусь к этому вопросу при рассмотрении перспектив развития философии спорта.

⁵ Я и сам столкнулся с этим изменением учебных планов на философских факультетах. Во время написания магистерской диссертации в конце 1960 — начале 1970-х годов и докторской — в середине 1970-х годов основное внимание при подготовке философов уделялось курсам формальной и неформальной логики, и даже когда предлагались курсы по этике, они заключались главным образом в концептуальном анализе понятий, наподобие «блага». Так, я прекрасно помню свою встречу с деканом философского факультета одного крупного университета. Когда я сказал ему, что я хотел бы написать диссертацию по теории времени у Хайдеггера, он беспокойно заерзал в кресле. А когда я добавил, что я хочу использовать хайдеггеровское понятие времени для исследования некоторых особенностей спорта, он чуть не выпал из своего кресла. Не нужно пояснять, что встреча оказалась бесполезной, и я никогда больше не говорил о своем интересе к Хайдеггеру или спорту ему или другим моим профессорам философии.

ся философским анализом спорта. В том же году Пол Вейс стал ее первым председателем. В 1974 году Общество начало выпускать «Журнал по философии спорта», который по сей день остается важным научным «посредником» в серьезном философском изучении спорта.

Концептуальный обзор

Несмотря на всю полезность исторических обзоров для очерчивания направлений интеллектуального развития предметов, наподобие истории спорта, они не позволяют пролить свет на интеллектуальные проблемы, занимающие их и отличающие их от других. Поэтому нам нужно напрямую обратиться к основным вопросам и волнующим проблемам философии спорта. Следует сказать, что попытки ответа на вопрос об определении того, что же такое философия спорта, почти всегда оказывались такими же безуспешными, как и попытки дать определение собственно философии. Причина этого понятна даже из нашего краткого исторического обзора: философы больше склонны беспокоиться о природе, масштабе и цели своего интеллектуального дела, о том, чем именно они занимаются, чем другие интеллектуальные работники в своих сферах деятельности, и именно поэтому они больше склонны оспаривать, чем принимать предлагаемые определения философии. Но, к счастью, такие разногласия относительно определения философии не должны беспокоить нас здесь, поскольку, несмотря на споры о понятии философии, почти не вызывает возражений содержание вопросов, которые ставят философы и на которые они пытаются найти ответ. Это значит, что лучшим способом объяснения того, что же такое философия спорта, может служить, прежде всего, привлечение внимания к этим основным философским вопросам, а затем уже рассмотрение их следствий для культурных практик, наподобие спорта.

Можно выделить три основных вопроса, на которые отвечают философы и которые соответствуют трем основным отраслям философии. Первый вопрос — «Что такое реальность?» — относится к метафизике. Метафизическое исследование может принимать одну из трех форм в зависимости от того, что именно понимается под «реальностью» в приведенном вопросе. Реальность может означать природу и в этом случае оно называется космологией; она может означать духовный субстрат материального мира и в этом случае оно называется теологией; наконец, она может означать некие черты человеческого бытия и в этом случае оно называется онтологией. Однако, поскольку исследованием природы почти целиком занимаются естественные науки, а пути теологии и философии разошлись более века тому назад, исследование реальности в философии сегодня касается главным образом онтологического вопроса, то есть изучения бытия.

Второй вопрос — «Что такое знание?» — относится к эпистемологии. Как и первый вопрос, этот вопрос также может быть подразделен на более частные вопросы. Так, эпистемологи могут задавать вопросы о том, что такое обоснованное знание и как его можно отделить от простых верований. Кроме того, они могут исследовать, каким образом различные утверждения о знании могут сочетаться друг с другом неким логически непротиворечивым образом (например, обращения к религиозным верованиям, научным свидетелст-

вам, обоснованным аргументам, неким базовым догадкам). И, наконец, они могут исследовать средства, при помощи которых мы можем получать знание о вещах, и связи знания с чувственным опытом и/или абстрактными понятиями, сообщающими нам о том, каков мир на самом деле.

Третий — и последний — крупный вопрос, который ставят философы: «Что такое ценность?» Он относится к аксиологии. Этот вопрос может быть поставлен двояко. Прежде всего, ценностными мы считаем суждения о добре и зле, достойном и недостойном поведении. Этот способ постановки вопроса известен как этический, и суть этического исследования сводится к рассмотрению того, как люди *должны* относиться друг к другу и — в более общем виде — как люди должны относиться к общему благу (социальная и политическая этика). Определенная таким образом, этика представляет собой предписывающую, а не описывающую форму исследования, то есть рассматривающую вопрос о том, как люди *должны* относиться друг к другу (с предписанием норм поведения), а не как они *на самом деле* относятся друг к другу (с описанием преобладающих норм поведения). Однако ценностными также могут считаться суждения, которые имеют отношение к эстетической ценности и значимости, которые признают определенный артефакт или действие произведением искусства, а не чем-то иным. Подобного рода вопросы рассматриваются эстетикой.

Итак, если мое предположение о том, что лучшим ответом на вопрос «Что такое философия спорта?» служит приложение этих трех вопросов собственно к спорту, то нам следует с большим вниманием отнестись к этому предприятию. Для начала обратимся к метафизике спорта. Принципиальным вопросом здесь является вопрос о том, что делает данную физическую деятельность спортивной деятельностью, отличающейся от некоторых других близких видов человеческой двигательной активности (игры, танцы)? Иными словами, каковы основные черты, отличающие спорт от других форм физической деятельности, которые также придают большое значение активности человека? Этот вопрос тесно связан с двумя другими важными вопросами: «Какие отличия можно провести между спортом и другими явлениями, связанными с человеческой деятельностью?» и, наконец, «какие сходства и общие черты можно обнаружить между ними?»

Основные споры в метафизическом изучении спорта касались трех областей. Первая область связана со своеобразным концептуальным анализом, который использовали метафизики в своих попытках дать определение спорта. Критики, вроде Макалуна (MacAloon, 1991), например, выступали против ясных и точных определений, которые пытались предложить такие философы, поскольку в них упускались незаметные исторические смещения, влиявшие на наше культурное восприятие спорта и, в конечном итоге, приводившие к огромным изменениям в понимании того, чем же является спорт. Это стремление к определенности и неприятие неточности, согласно Макалуну, объясняет, почему философские определения спорта почти полностью бесполезны, почему они превращаются в безжизненные абстракции, препятствующие подлинно историческому пониманию значения спорта. Сторонники философских определений спорта (Morgan and Meier, 1995: 3) считают такие нападки карикатурой на тот концептуальный анализ спорта, который они стремятся провести. Они утверждают, что, несмотря на размытость и неясность наших

исторических представлений о спорте, такие исторические значения все же следует выявлять и прояснять, а не отбрасывать или искажать. В конце концов, большинство разговоров о спорте в нашей культуре, особенно в популярной культуре, ведется таким запутанным и нагруженным политическими значениями образом, что зачастую сложно бывает понять, о чем вообще идет речь. Но прояснение этих запутанных и неясных моментов предполагает, прежде всего, рассмотрение таких исторических сдвигов в наших культурных представлениях о спорте, а не стремление к невозможной точности.

Вторая спорная область в концептуальном анализе спорта связана с определением соответствующих культурных практик в формальных (Suits, 1973) или контекстуальных (D'Agostino, 1981; Lehman, 1981) терминах. Сторонники формалистских определений спорта утверждают, что выявление целей, значения и важности культурных практик возможно посредством рассмотрения их формальных правил. С этой точки зрения, содержание спортивной игры, действий и победы полностью определяется формальными правилами данного вида спорта. Сторонники контекстуальных объяснений спорта, напротив, утверждают, что спорт определяется и правилами, и этосом. Этос спорта связан с теми социальными конвенциями, которые определяют толкование спортивных правил и их применение в конкретных случаях. Контекстуалисты настаивают на том, что нам необходимо учитывать такие социальные конвенции в наших определениях спорта, потому что именно эти конвенции, а не правила определяют суть и содержание спорта.

Третья и последняя область разногласий в концептуальном анализе спорта касается одной из особенностей объяснения спорта через определения, а именно — особого отношения между спортом и играми. В своей важной статье «Элементы спорта» Бернард Сьюйтс утверждал, что основные элементы игры по сути, хотя и не полностью, тождественны основным элементам спорта. Он вывел формулу: «весь спорт — игра, но не все игры — спорт». Однако в более поздних статьях Сьюйтс (Suits, 1988, 1989) откорректировал свою раннюю точку зрения, признав, что только некоторые виды спорта являются играми. В частности, он утверждал, что все виды спорта можно разделить на две категории: «атлетические представления» (гимнастика, прыжки в воду, фристайл) и «атлетические игры» (футбол, баскетбол, бейсбол). Он определяет атлетические представления как практики, которые ориентируются на идеалы исполнения, а не на правила, ограничивающие возможные средства. Именно отсутствие таких правил объясняет, согласно Сьюйтсу, почему они не являются играми и почему они нуждаются не в рефери, гарантирующих соблюдение правил, а в судьях, оценивающих артистичность исполнения и степень соответствия идеалу. Напротив, атлетические игры представляют собой определяемые правилами практики именно в том смысле, в каком они понимались в ранней статье Сьюйтса: они исключают определенные полезные способы достижения своих целей (в гольфе полезно, но запрещено переносить мячик в руках). Наличием таких правил в этих видах спорта, согласно Сьюйтсу, и объясняется необходимость присутствия рефери, следящего за соблюдением установленного порядка, а не судей, оценивающих красоту исполнения. Эта переработанная версия отношений между играми и спортом у Сьюйтса вызвала возражения у таких критиков, как Кретчмэр (Kretch-

mag, 1989) и Мейер (Meier, 1988, 1989), которые утверждали, что верным было как раз первое определение связи между игрой и спортом и что во всех видах спорта имеется игровая составляющая, так как они имеют правила, ограничивающие возможные средства.

В эпистемологическом изучении спорта основной вопрос, по крайней мере, согласно существующей литературе, связан с тем, как человек узнает о таком виде человеческой деятельности, как спорт. Короче говоря, должен ли человек иметь действительное, деятельное переживание спорта, чтобы говорить о его знании, или же такое знание можно получить другими, абстрактными и интеллектуальными средствами, например, через осмысление опыта самих спортсменов? С этим также связан вопрос об организации знания, необходимой для спорта. Эта проблема является не психологической, когда некто (психологически) готов научиться спортивным навыкам или стратегиям, а логической. Она поднимает вопрос о том, как различные формы знания о спорте могут образовывать некую непротиворечивую последовательность (например, последовательный учебный план).

Трудно сказать об этой области философии спорта что-то еще, поскольку она до сих пор слабо исследована — косвенным признаком этого служит отсутствие всяких споров о ней. Это отсутствие литературы сложно понять, учитывая, что эпистемология является преобладающей темой в современной философии. В то же время можно предложить по крайней мере два объяснения недостаточной развитости этой области. Первое заключается в том, что вопросы логической организации и целостности знания в значительной степени отданы на откуп философии образования и, в частности, философии физического воспитания, области, которая, в отличие от философии спорта, всегда считалась разделом философии образования. Короче говоря, вопросы логического обоснования теории обучения давным-давно перестали волновать философов спорта, если они вообще их когда-то волновали. Вторая причина того, почему эпистемологические исследования спорта, особенно относящиеся к тем видам знания, которые важны для занятия спортом, оказались не слишком успешными, в отличие от других видов философского исследования спорта, заключается в том, что многие потенциальные исследователи приняли как данность тезис Пола Зиффа (Ziff, 1974) о том, что спорт не представляет какой-то особой или сколько-нибудь существенной эпистемологической проблемы. Но, какими бы ни были причины этого, тот факт, что у нас так мало работ в духе Стила (Steel, 1977) и Кретчмэра (Kretchmar, 1982), работ, в которых тщательно анализируются разновидности «молчаливого» знания и абстрактной мысли о спорте и которые обнаруживают поразительные сходства между этими видами спортивного знания и, скажем, знания, свойственного научным практикам, заслуживает сожаления.

Этическое исследование спорта, которое, напомним, является одним из ответвлений аксиологического (ценностного) исследования, вращается вокруг двух основных и крайне спорных вопросов. Первый вопрос касается отношения атлетов друг к другу (и, в случае тех видов спорта, в которых используются животные, отношения к бессловесным существам) в спортивной обстановке. Второй вопрос касается поведения атлетов — индивидуального и коллективного — в стремлении к спортивным достижениям, точнее,

того, какие формы поведения совместимы с благой (в моральном смысле) спортивной практикой. Первый вопрос поднимает множество «подвопросов» относительно действий спортсменов: соперничества, нарушений, гендерных проблем и, наконец, проблем, связанных с использованием животных в спорте. Второй вопрос касается более ограниченного круга проблем, связанных с использованием в спорте фармацевтических средств, влияющих на спортивные показатели, и соответствующих моральных проблем.

Литература о моральной составляющей спорта, в отличие от эпистемологической, весьма обширна и стремительно растет. В этом корпусе литературы можно выделить несколько кластеров, в соответствии с двумя приведенными вопросами. Первый кластер, включающий работы Китинга (Keating, 1983), Арнольда (Arnold, 1983), Физилла (Feezel, 1986) и Диксона (Dixon, 1992), касается поведения спортсмена. В частности, он отвечает на вопрос о ценимых добродетелях и качествах и об особых формах предписываемого поведения. Второй кластер, включающий работы Пирсона (Pearson, 1973), Делатре (Delattre, 1975), Лимэна (Leaman, 1981), Фралея (Fraleigh, 1982) и Хиланда (Hyland, 1984), касается состязательной стороны спорта и проблемы нарушений и обмана. Особое внимание уделяется моральному обоснованию понятия соперничества: что делает определенные виды соперничества морально неприемлемыми; что считать нарушением; и как нам следует относиться к нарушениям?

Третий кластер связан с гендерными проблемами в спорте. Этот корпус работ, включающий статьи Инглиш (English, 1978), Беллиотти (Bellioti, 1979), Янг (Young, 1979), Месснер (Messner, 1988), Фрэнсис (Francis, 1993–1994), Саймон (Simon, 1993–1994) и Данкан (Duncan, 1994), касается двух основных тем. Первая имеет дело с вопросом о том, каким образом идентичности женщин, их восприятие себя как индивидуальных и социальных существ конструируется и деконструируется в практиках, наподобие спорта и упражнений. Вторая тема имеет дело с не менее сложным вопросом о равенстве женщин в спорте. Как женщины добиваются равных возможностей в мире спорта, когда в самом спорте преобладают мужчины (обычно речь идет о типично мужских физических чертах – таких, как сила, мощь и скорость), и как влияют типично мужские черты на физическое поведение (агрессия и насилие)?

Четвертый кластер статей, включающий таких авторов, как Сингер (Singer, 1973), Рейган (Regan, 1983), Кинг (King, 1991) и Шерер (Scherer, 1991), рассматривает моральное значение животных (обладают они или нет особыми правами или особыми свойствами, которые влияют на наше отношение к ним) для оценки морального значения спорта, который использует их в качестве объектов спортивной эксплуатации. В этом отношении выделяются три категории видов спорта с использованием животных: 1) виды спорта, в которых люди используют животных в своих спортивных целях (конный спорт, поло); 2) виды спорта, в которых люди действуют против животных, чтобы продемонстрировать свою ловкость (охота, рыбалка, бои с быками); 3) виды спорта, в которых животные борются с другими животными, либо вступая в схватку, либо доказывая свое превосходство иным способом (петушиные бои, собачьи бега).

Пятый и последний кластер статей касается использования фармацевтических средств спортсменами для улучшения своих показателей. Этот корпус

работ, включающий статьи Томпсона (Thompson, 1982), Перри (Perry, 1983), Брауна (Brown, 1984), Саймона (Simon, 1984), Лэвина (Lavin, 1987) и Гарднера (Gardner, 1989), рассматривает три моральные проблемы, связанные с указанным вопросом. Первая проблема касается скрытых и не таких уж скрытых технических императивов и ценностей, которые побуждают атлетов принимать фармацевтические средства, несмотря на очевидный психический, психологический и социальный вред, который они за собой влекут. Вторая проблема касается моральной допустимости использования фармацевтических средств для улучшения показателей и попыток объявить его вне закона или поставить под контроль. И третья — и последняя — проблема сопряжена с моральным обоснованием тестов на использование допинга, преследующих профилактические и карательные цели.

Исследования эстетических свойств спорта, которые являются важной составляющей аксиологических исследований и которые представлены прежде всего работами Капфера (Kupfer, 1983), Корднера (Cordner, 1984, 1988), Робертса (Roberts, 1986) и Беста (Best, 1995), касаются двух основных вопросов. Прежде всего, вопроса о том, требует или нет спорт эстетического восприятия, то есть качественного рассмотрения своих форм движения, грации и стиля, для адекватного понимания и оценки его сущности, а также вопроса о том, почему некоторые виды спорта могут не только требовать эстетического рассмотрения, но и считаться настоящим искусством. Проблема здесь состоит не столько в том, следует или нет нам заниматься рассмотрением эстетических свойств спорта, сколько в том, содержится в спорте или нет осознанное стремление к производству эстетического впечатления и насколько ему удастся достичь этой цели. Ибо, несмотря на существование в мире множества объектов, заслуживающих эстетического рассмотрения (горы, восходы и закаты), лишь определенный вид этих объектов (а именно — объекты, созданные для получения эстетического отклика) считаются произведениями искусства. Вопрос, таким образом, заключается в том, куда следует относить спорт — к последней, более узко определенной категории продуктов человеческой деятельности или к первой, более широкой категории объектов.

О будущем философии вообще и философии спорта в частности

Мне хочется завершить свой исторический и концептуальный обзор философии спорта оптимистичным прогнозом на будущее. Я не принимаю здесь желаемое за действительное и не игнорирую факты, а исхожу из современного состояния философии вообще и философии спорта в частности, которое позволяет обозначить основные направления дальнейшего движения вперед. Как ни странно, первый из двух моментов, которые я имею в виду, на деле связан с прошлым философии, а именно — с прагматистским американским прошлым, и соответствующим пониманием задачи философии, которая, согласно Дьюи, состоит в применении критического разума к разрешению социальных проблем. Второй момент связан с недавним расцветом моральных исследований спорта — тенденция, очевидная из нашего обзора литературы и касающаяся применения критического разума к проблемам социальной жизни, взятым в моральном преломлении.

Что я имею в виду, говоря о приоритете культуры и ее практик, и в каком смысле философию можно считать инструментом социальной реформы и обновления? В основном следующее: что философия не обладает своим особым набором внеисторических категорий, категорий, которые, хотя они и не принадлежат к какой-то отдельной культуре, традиции или исторической эпохи, все же позволяют понять любую известную нам культуру, традицию или историческую эпоху. Это значит, что для понимания этих культурно нагруженных и исторически укорененных категорий и связанных с ними языковых игр философ должен рассматривать формы жизни, которые наделяют их значением. Именно это и имел в виду Витгенштейн, говоря о том, что «языковые игры переплетены с формами жизни» и что понятия лучше всего считать «образцами, с различными вариациями повторяющимися в ткани жизни».

Если понятия, используемые философами в своей работе, заимствуются из исследуемых форм жизни, то отсюда следует, что задача философии, сформулированная Дьюи, требует дополнения. Речь теперь должна идти о разрешении социальных проблем посредством критического рассмотрения этих форм жизни. И хотя философия не обладает особыми понятиями, методологией или привилегированным положением, она способна критически осмыслить развитие общества посредством сравнения, противопоставления и указания сильных и слабых сторон доводов, убеждений и ценностей, существующих в обществе в данный момент времени. Обо всем этом уже было сказано в замечании Рорти о том, что «философия всегда паразитирует на результатах развития культуры и общества, — всегда является реакцией на эти результаты» (Рорти, 1994: 31). Внимание к моральным вопросам, характерное для нынешних работ в философии спорта, свидетельствует о двух вещах: прежде всего, о том, что не существует не только высших понятий, но и высших практик. Это значит, что результаты развития культуры, на которые отвечает философия, не могут и не должны ограничиваться только сферой культуры (для консерваторов — религией; для либералов — политикой; а для правозверных аналитических философов — наукой). Кроме того, проблемы, на которые философия должна отвечать, являются не специальными, а моральными проблемами, которые ставят под вопрос наши различные и даже конфликтующие концепции социальной справедливости и «благой» жизни.

Но если философия будет играть такую моральную роль, то проблемы, связанные с ее дисциплинарной автономией и профессиональным положением, перестанут быть проблемами. Они перестанут быть проблемами потому, что для выполнения своей задачи как инструмента социальной реформы, философия должна будет преодолеть границы, которые отделяют ее от культурной и социальной критики. Это касается как философии вообще, так и философии спорта в частности. И, обладая таким влиянием, она должна будет перейти к рассмотрению исторических и социологических вопросов, не заботясь о сохранении дисциплинарных границ. На мой взгляд, единственный вопрос, который должен волновать философов спорта, занимающихся критической и моральной работой, — и то же можно сказать и об историках и социологах, поскольку мы все еще можем проводить такие различия, — касается наличия культурных ресурсов, необходимых для осуществления такого рода исследований. И здесь я согласен с Гурном и Ориардом, которые говорят, что «иссле-

дование спорта может помочь нам понять основные проблемы исследований культуры и общества», но при этом добавляют: только если нам удастся предпринять такое исследование.⁶

И последнее. Одобрение недавнего прагматистского поворота в философии и особое внимание к моральным вопросам, к которому привел этот поворот в философии спорта, может поднять вопрос об осознанной или неосознанной поддержке шовинистической повестки дня в обеих этих областях. В конце концов, прагматизм — это американское движение, и оно отражает особое и неизбежно ограниченное американское представление о том, чем должна заниматься философия спорта в будущем. Но это не мешает нам с оптимизмом смотреть в будущее философии. На мой взгляд, для этого существуют три причины, две из которых я открыто заимствую у Рорти. Во-первых, поскольку прагматизм является американским явлением, тесно связанным с американским экспериментом в либеральной демократии, нет никаких оснований считать, как отмечает Рорти, «что идея американской демократии [и прагматического духа, который взрастил ее] найдет свое окончательное осуществление в Америке, как римское право в полной мере раскрылось в Римской империи, а письменная культура — в Александрии». Во-вторых, хотя прагматизм — это преимущественно американское изобретение, я считаю, что Рори прав, говоря о том, что философия плохо подходит для выражения национализма и рассуждений о национальной гордости (хотя спорт, в отличие от философии, представляет собой одну из наиболее важных форм выражения национализма). И, наконец, в-третьих, прагматистский акцент на культурной и социальной реформе весьма близок по духу к идеалам европейской философии (вспомним, например, распространенную среди европейских философов и интеллектуалов практику написания статей для местных газет и политических журналов). Кроме того, нельзя не отметить начавшееся возрождение интереса к европейской философии. Поэтому наш оптимизм и энтузиазм относительно будущего философии вообще и философии спорта в частности кажется нам вполне оправданным.

Перевод с английского Артема Смирнова

Литература

- Витгенштейн Л. (1994). Философские исследования // Л. Витгенштейн. *Философские работы*. Ч. I. М.: Логос. С. 75–319.
- Рорти Р. (1994). Философия и будущее. *Вопросы философии*. № 6. С. 29–34.
- Arnold P. (1983). Three approaches toward an understanding of sportsmanship. *Journal of Philosophy of Sport*. X: 61–70.
- Audi R. (1995). *Cambridge Dictionary of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Belliotti R. (1979). Women, sex, and sports. *Journal of Philosophy of Sport*. VI: 67–72.
- Best D. (1995). The aesthetic in sport // *Philosophical Inquiry in Sport* / W.J. Morgan, K. V. Meier (eds.). Champaign. IL: Human Kinetics. P. 377–389.

⁶ Это было одной из причин того, почему мы в Университете Теннесси решили включить исследование спорта в программу кафедры культурных исследований.

- Brown M. (1984). Paternalism, drugs, and the nature of sports. *Journal of Philosophy of Sport*. XI: 14–22.
- Cordner C. (1984). Grace and functionality. *British Journal of Aesthetics*. 24: 301–313.
- Cordner C. (1988). Differences between sport and art. *Journal of Philosophy of Sport*. XV: 31–47.
- D'Agostino F. (1981). The ethos of games. *Journal of Philosophy of Sport*. VIII: 7–18.
- Delattre E. (1975). Some reflections on success and failure in competitive athletics. *Journal of Philosophy of Sport*. II: 133–139.
- Dixon N. (1992). On sportsmanship and «running up the score». *Journal of Philosophy of Sport*. XIX: 1–13.
- Duncan M. (1994). The politics of women's body images and practices: Foucault, the Panopticon, and *Shape* magazine. *Journal of Sports and Social Issues*. 18: 48–65.
- English J. (1978). Sex equality in sports. *Philosophy and Public Affairs*. 7: 269–277.
- Feezell R. (1986). Sportsmanship. *Journal of Philosophy of Sport*. VIII: 1–13.
- Fraleigh W. (1982). Why the good foul is not good. *Journal of Physical Education, Recreation, and Dance*. P. 41–42.
- Francis L. (1993–1994). Title IX: Equality for Women's Sports. *Journal of Philosophy of Sport*. XX–XXI: 32–47.
- Gardner R. (1989). On performance-enhancing substances and the unfair advantage argument. *Journal of Philosophy of Sport*. XVI: 59–73.
- Gorn E., Oriard M. (1995). Taking sports seriously (Point of View). *Chronicle of Higher Education*. P. 52a.
- Gruneau R. (1983). *Class, Sports, and Social Development*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press.
- Hoberman J. (1995). Sport and the technological image of man // *Philosophical Inquiry in Sport* / W.J. Morgan, K. V. Meier (eds.). Champaign, IL: Human Kinetics. P. 202–208.
- Hyland D. (1990). *Philosophy of Sport*. New York: Paragon House.
- Keating J. (1964). Sportsmanship as a moral category. *Ethics*, LXXV: 25–35.
- King R. (1991). Environmental ethics and the case against hunting. *Environmental Ethics*. 13: 59–85.
- Kretchmar S. (1982). Distancing: an essay on abstract thinking in sport performances. *Journal of Philosophy of Sport*. IX: 6–18.
- Kretchmar S. (1989). On beautiful games. *Journal of Philosophy of Sport*. XVI: 34–43.
- Kretchmar S. (1994). *Practical Philosophy of Sport*. Champaign, IL: Human Kinetics.
- Kupfer J. (1983). *Experience as Art: Aesthetics in Everyday Life*. Albany, NY: State University of New York Press.
- Lavin M. (1987). Sports and drugs: are the current bans justified? *Journal of Philosophy of Sport*. XIV: 34–43.
- Leaman O. (1981). Cheating and fair play in sport // *Sport and the Humanities: a Collection of Original Essays* / W.J. Morgan (ed.). Bureau of Educational Research and Service. University of Tennessee, pp. 25–30.
- Lehman C. (1981). Can cheaters play the game? *Journal of Philosophy of Sport*. VIII: 41–46.
- MacAloon J. (1991). Are Olympic athletes professionals? Cultural categories and social control in US sport // *The Business of Professional Sports* / P. Staudohar, J. Mangan (eds.). Urbana and Chicago: University of Illinois Press, pp. 264–297.
- Meier K.V. (1988). Triad trickery: playing with sports and games. *Journal of Philosophy of Sport*. XV: 11–30.

- Messner M. (1988). Sports and male domination: the female athlete as contested ideological terrain. *Sociology of Sport Journal*, 5: 197–211.
- Metheny E. (1968). *Movement and Meaning*. New York: McGraw-Hill.
- Ousterhoudt R. (1991). *The Philosophy of Sport: an Overview*. Champaign, IL: Stipes.
- Pearson K. (1973). Deception, sportsmanship, and ethics. *Quest*, XIX: 115–118.
- Perry C. (1983). Blood doping and athletic competition. *The International Journal of Applied Philosophy*. 1: 39–45.
- Regan T. (1983). Why hunting and trapping are wrong // T. Regan. *The Case for Animal Rights*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Roberts T. (1986). Sport, art, and particularity: the best equivocation. *Journal of Philosophy of Sport*. XIII: 49–63.
- Rorty R. (1982). *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Scherer D. (1991). Existence, breeding, and rights: the use of animals in sports. *Between the Species*. Summer: 132–137.
- Simon R. (1984). Good competition and drug-enhanced performance. *Journal of Philosophy of Sport*. XI: 6–13.
- Simon R. (1993–1994). Gender equity and inequity in athletics. *Journal of Philosophy of Sport*, XX–XXI: 6–22.
- Singer P. (1973). Animal liberation. *The New York Review of Books*. 5 April.
- Slusher H. (1967). *Man, Sport, and Existence: a Critical Analysis*. Philadelphia: Lea and Febiger.
- Steel M. (1977). What we know when we know a game. *Journal of Philosophy of Sport*. IV: 96–103.
- Suits B. (1973). The elements of sport // *The Philosophy of Sport: a Collection of Original Essays*. R. Ousterhoudt (ed.). Springfield, IL: Charles C. Thomas. P. 48–64.
- Suits B. (1988). Tricky triad: games, play, and sport. *Journal of Philosophy of Sport*. XV: 1–9.
- Suits B. (1989). The trick of the disappearing goal. *Journal of Philosophy of Sport*. XVI: 1–12.
- Thompson P. (1982). Privacy and the urianalysis testing of athletes. *Journal of Philosophy of Sport*. IX: 60–65.
- Weiss P. (1969). *Sport: a Philosophic Inquiry*. Carbondale: Southern Illinois Press.
- Young I. (1979). The exclusion of women from sport: conceptual and existential dimensions. *Philosophy in Context*. 9: 44–53.
- Ziff P. (1974). A fine forehead. *Journal of Philosophy of Sport*. I: 92–109.